

## ШАМАНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ

Погребения являются самым ярким, ценным и информативным археологическим источником. В них заключены сведения, характеризующие не только материальную и духовную культуру, но и социальную организацию древних обществ. Попытки социальной реконструкции древних обществ на основе изучения погребений и могильников неоднократно предпринимались российскими археологами<sup>1</sup>. Однако в своих работах они рассматривали в основном либо вопросы семейно-брачных отношений, либо вопросы социальной стратификации древних обществ, причем в последнем случае упор делался на выделение вождей, царей и знати<sup>2</sup>. Однако при реконструкции социальной стратификации древнего общества из поля зрения исследователей почти всегда выпадает одна из категорий представителей верхушки общества - "шаманы" (термин, безусловно, неудачный, зато понятный; автор понимает под ним служителей культа - "хранителей веры" по Н.Н.Гуриной).

К сожалению, критерии выделения шаманских погребений до сих пор не разработаны. Каждый автор выделяет шаманские погребения, исходя из резко бросающихся в глаза особенностей - например, поза погребенного, богатство погребального инвентаря или его необычность.

Так, Н.Н.Гурина относит к шаманским вертикальные захоронения Оленеостровского могильника. Их четыре (№ 68, 100, 123, 125). Самое яркое - погребение № 100. Это богатейшее погребение содержало 16 каменных и 10 костяных наконечников стрел, 3 гарпуна, богато украшенный орнаментом вкладышевый кинжал, 2 сланцевых ножа, 2 клыка медведя, 6 ветвей нижней челюсти бобра с отверстиями, 303 резца лося и 123 пластинки из резцов бобра. Принадлежало оно взрослому мужчине<sup>3</sup>. Не менее интересно погребение № 68. В нем найдено 8 наконечников стрел из кости и рога, 12 костяных поделок, длинное сланцевое орудие, 16 костяных подвесок, 4 зуба медведя, 135 резцов лося, 87 пластинок из резцов бобра и скульптурное изображение лося. Захоронение принадлежало женщине зрелого возраста<sup>4</sup>.

Погребение № 123 (девушка) и № 125 (взрослый мужчина) выглядели значительно беднее. У девушки найдено 5 клыков медведя, 10 резцов лося и 36 пластинок из резцов бобра<sup>5</sup>. У мужчины - 5 костяных поделок, 83 резца лося, кости медведя, птицы и бобра<sup>6</sup>.

Также к шаманским Н.Н.Гурина относит еще 2 необычных погребения. Одно из них тройное (№ 55 - 56 - 57). Оно залегало глубже, чем остальные (1,16 - 1,22 м против 0,5 - 0,8 м). В центре могилы на спине лежал мужчина (№56), а

справа на боку лицом к мужчине - 2 женщины (№55, 57). Все погребенные находились в одной могиле под общей каменной кладкой, были засыпаны красной охрой. Особенно интенсивной засыпка была на мужчине и старшей женщине (№57). Помимо обычного инвентаря (2 сланцевых ножа, клыки медведя, пластинки из резцов бобра, 72 резца лося, кости птицы, волка, северного оленя) у шамана слева от плеча находился "жезл", конец которого обработан в форме головы лося (общая длина - 42,5 см). Погребение молодой женщины (№ 55) выглядело бедным - костяной наконечник, 2 костяных поделки, 13 костей птицы, резец лося и 18 пластинок из резцов бобра. Погребение старшей женщины богато украшено резцами лося (112 экз.) и пластинками из резцов бобра. В области левого плеча лежало костяное изображение змеи<sup>7</sup> (рис.1).

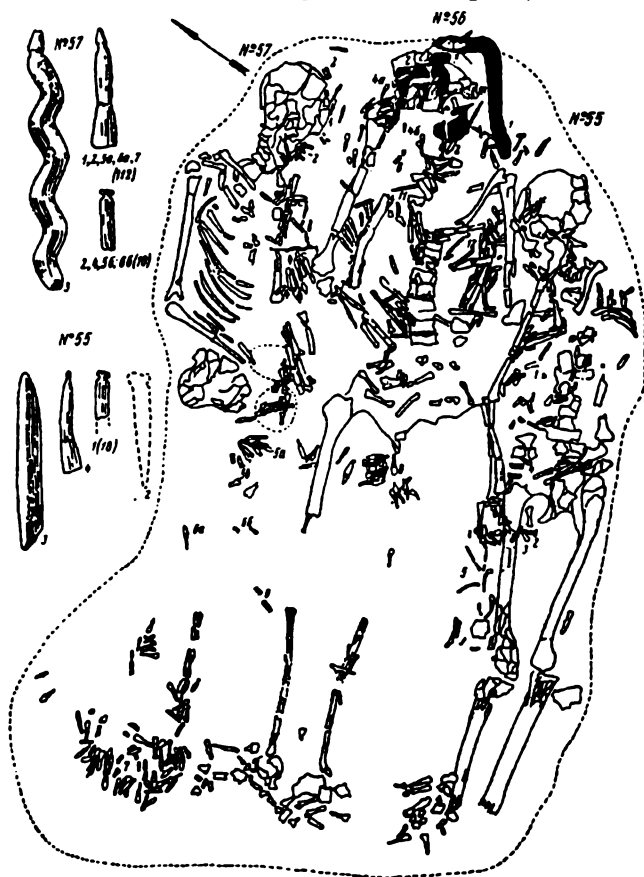


Рис.1. Погребение № 55-56-57 Оленеостровского могильника (по Н.Н.Гуриной)

Еще одно интересующее нас погребение - двойное (№152 - 153). Мужчина лежал на спине, женщина - также на спине, но лицом к мужчине. В женском погребении (№ 152) на груди острием к ногам находилась костная поделка. Погребальный инвентарь мужчины также был малочисленным: 2 костяных наконечника стрелы, 5 коренных зубов лося, резец лося и пластинка из резца бобра, но слева на груди находилась прекрасной сохранности и замечательный по выделке "жезл" из рога с головой лося на конце (длина 40 см<sup>8</sup>; рис.2).

Н.Н.Гурина допускает, что женщины из двойного и тройного погребений были насильственно умерщвлены в связи со смертью мужчины, и считает, что "хранителей веры" в потусторонний мир должны были сопровождать их



Рис.2. Погребение № 152-153 Оленеостровского могильника (по Н.Н.Гуриной)

ближайшие родственники<sup>9</sup>. Несколько ниже на уральских материалах мы попытаемся доказать ошибочность данного предположения.

Рассматривая 6 погребений, интерпретированных Н.Н.Гуриной как шаманские, можно предложить критерии их выделения. Это - необычная поза погребенных и необычные находки в виде скульптурных изображений. Пользуясь этим же критерием, еще несколько погребений Оленеостровского могильника можно определить как шаманские, например, погребение № 23. Инвентаря в нем мало (как и в погребениях № 56, 153) - 7 резцов лося и 3 пластинки из резцов бобра, но в области правого бедра находилось скульптурное изображение змеи, а у правой руки - костяная статуэтка, изображающая человеческую фигуру с двумя лицами<sup>10</sup>. В погребении № 61 найдены 12 костяных наконечников стрел, сланцевый нож, 2 клыка медведя, кости птицы, зубы и челюсть северного оленя, 2 круглых костяных поделки с отверстиями типа пряслиц (солярные знаки?) и 120 резцов лося. У левого плеча (опять у левого) погребенного лежал длинный (26,5 см) костяной кинжал с ручкой в виде головы лося<sup>11</sup>. В погребении № 18 инвентарь состоит только из резной скульптурки женщины<sup>12</sup>. В погребении № 130, захоронен мужчина. Инвентарь небогатый - костяная поделка, кусок песчаника, резец лося, пластинка из резца бобра, кость птицы. На правом бедре лежала фигурка человека, вырезанная из рога<sup>13</sup>. Возможно, шаманскими были и другие погребения, содержащие оригинальный инвентарь и прежде всего скульптурные поделки (например, погребения № 64, 81, 102). Если считать Г-образные "жезлы" с вырезанной на конце мордой лося принадлежностью шамана, то шаманские погребения можно выделить и в других могильниках. Так, одно из погребений могильника Звейниекс (Латвия), в котором найден Г-образный "жезл" - кинжал с рукояткой в виде стилизованной головы оленя или лося, можно интерпретировать как шаманское<sup>14</sup>. Подобный "жезл" в виде серповидного костяного орудия с пазом с внутренней стороны длиной около 40 см найден в полуразрушенном Русско-Шуганском погребении (Татария). Кроме "жезла" в нем найдены наконечник дротика, 3 наконечника стрел, нуклеус, скребок, резец, 38 ножевидных пластин, 2 проколки, каменный нож длиной 9 см, 20 фрагментов керамики с гребенчатым орнаментом, "утюжок" из талька, 11 гантелевидных конкреций (очевидно, подвески), около 200 круглых плоских бус из раковины беззубки, свыше 50 резцов байбака и обломок кремневого желвака в виде морды лося<sup>15</sup>.

Костяной "жезл", но прямой, найден в погребении шамана из Нижнетыткескенской пещеры I. Длина его около 30 см. Он вырезан из метаподии задней конечности лося. Навершие рукоятки оформлено в виде стилизованной морды лося<sup>16</sup>. Подобный жезл-кинжал найден в погребении № 61 Оленеостровского могильника<sup>17</sup>.

Интересную точку зрения на так называемые жезлы высказывают авторы монографии о Нижнетыткескенской пещере I. Г-образные и прямые жезлы с рукояткой в виде головы лося они считают навершиями шаманских "посохов", или "тростей". Посохи рассматривались "как изображения ездовых животных

шамана", которые помогали шаману в его передвижениях по верхнему и нижнему мирам<sup>18</sup>. Роговые скульптуры голов лося из Шигирского торфяника (одна из них тоже имеет Г-образную форму)<sup>19</sup> также относят к завершениям шаманских посохов. По всей вероятности, такое же назначение имели и сверленные фигурные молоты Среднего Зауралья (молот из рога лося с изображением фантастического (?) животного из Шигирского торфяника<sup>20</sup>, молот из талька в виде головы лося с неолитической стоянки Евстопиха I<sup>21</sup> и молот из камня в виде головы медведя с неолитического культового места на Кокшаровском холме<sup>22</sup>). Это предположение касается других фигурных молотов с изображением голов животных из Северной Европы (каменные молоты с изображением головы лося со стоянки Гутиннен (Финляндия) и Падозеро и других территорий).

Также к шаманским могут быть отнесены некоторые погребения с оригинальным инвентарем. Так, в двух погребениях на стоянке Кубенино найдены костяные и каменные наконечники стрел, скребки, подвески, наборы из челюстей выдры и куницы, резцы бобра, антропоморфные и зооморфные глиняные фигурки и 2 костяные скульптурки с изображением человека. Очень интересна одна из фигурок - оза изображает человека с лосиной ногой, заканчивающейся копытом<sup>23</sup>. Любопытные находки зафиксированы в 3-м погребении могильника Иловец (Калининская обл.). Там найдено 5 янтарных пуговиц, 3 янтарных подвески, янтарное кольцо с отверстием для подвешивания, массивный отщеп, каменный наконечник стрелы, 1 антропоморфная и 2 зооморфные кремневые фигурки<sup>24</sup>. Кремневые фигурки, по нашему мнению, являются украшением шаманского костюма. Можно назвать еще целый ряд погребений, которые следует трактовать как шаманские (погребение № 12 в могильнике Серово<sup>25</sup>, № 1 в Махонькиной пади<sup>26</sup>, № 6 из Томского могильника на мусульманском кладбище<sup>27</sup>, у с. Васьково<sup>28</sup> и др.).

В 1988 г. в гроте на Камне Дождевом (р.Чусовая) были найдены 2 неолитических погребения<sup>29</sup>. Грот расположен в затененной расселине на высоте 14 м, имеет небольшие размеры - 2 х 2,4 м. Оба погребения были совершены в одно время. Это доказывается целым рядом факторов. Погребенные лежали в разных могильных ямах, но рядом, в 15 см друг от друга. У них одинаковая ориентация - головой на северо-восток. Оба засыпаны охрой одного и того же цвета. В обоих погребениях найдены фрагменты одного и того же сосуда.

Погребение № 1 принадлежало женщине 35 - 40 лет. Располагалось оно у входа в грот в вытянутом на спине положении. Обильно посыпано охрой бурокоричневого цвета. В левой части костяка найдены 2 отщепа, скребок и фрагмент керамики. Одежда женщины была богато расшита зубами животных. Больше всего их в нижнем отделе костяка. Всего обнаружено: клык лисицы, 2 резца лося, резец медведя (?), 2 зуба северного оленя и 73 нижних клыка выдры (от 37 особей).

В глубине грота раскопано отличной сохранности погребение (№2) мужчины 40-45 лет. Он лежал на спине в скорченном положении. Голова и позвоночный столб были обращены на северо-восток, согнутые с коленях ноги -

на северо-запад. Руки сложены на животе, причем, правая рука прикрывала левую.

Мужчина был убит выстрелом из лука сзади: каменный наконечник стрелы был найден между шейными позвонками. Погребение обильно (особенно верхний отдел костяка) посыпано охрой. Цвет охры такой же, как и в женском погребении, но ее было гораздо больше.

Погребенного мужчину сопровождал богатый инвентарь. Расположение находок позволяет достоверно реконструировать костюм. На шапке был нашит верхний клык лисицы, на рукавах парки (?) на уровне плечевой кости - расколотые кости северного оленя (плечевая и локтевая). Пояс украшен 10 резцами бобра. На штанинах брюк, на уровне берцовых костей, были нашиты подвески: с внешней стороны - фигурки уток (5 на одной штанине, 4 - на другой), выполненные из таранных костей бобра, с внутренней - каплевидные костяные подвески (4 на одной штанине, 2 - на другой). На уровне коленей на брюки пришиты фрагменты керамики (об этом говорит их расположение на костях и заметное заложение поверхности, возникшее от трения об одежду). Возможно, к ним были пришиты и остальные 5 фрагментов керамики, которые также заметно заложены и размещались вдоль берцовых костей погребенного. Также к штанинам пришиты расколотые кости северного оленя. На поясе у погребенного находился костяной гарпун, на груди - шлифованный нож, на левом боку - сумка с 15 отщепами и заготовками орудий, у локтя левой руки и у пояса залежали 4 костяных биконических наконечника стрелы - скорее всего они были в колчане. Также в погребении найдены обломок сильно сработанного шлифованного орудия, скребок, расколотый надвое зуб лося. На теле погребенного рассыпью располагались 11 каменных наконечников стрел - 10 целых и 1 сломанный на 2 части. Почти все они находились в верхней части скелета<sup>30</sup> (рис.3).

Из всех известных на Урале ранних погребений данное является самым богатым. Уже одно это указывает на то, что погребенный мужчина не был простым охотником. Его социальный статус должен был быть значительно выше - возможно, вождь. Но некоторые детали погребального обряда и особенности погребального инвентаря позволяют интерпретировать данное погребение как шаманское. Прежде всего обращают на себя внимание подвески в виде уток. Такие подвески (в отличие от каплевидных) обнаружены впервые, и уже это качественно отличает данное погребение от других погребений Урала. Дело в том, что в мифологии северных народов именно птица (утка, гагара) участвует в творении земли. Птица на мировом древе всегда является представителем верхнего мира и всегда противопоставляется хтоническим животным, представляющим нижний мир - змеям, рыбам, выдрам, бобрам и т.п. А ведь подвески в виде уток изготовлены из таранных костей бобра. В этом допустимо видеть дуалистическую традицию, противопоставляющую две основные силы мира - положительную и отрицательную. Отсюда можно сделать вывод, что уточки на костюме погребенного заключали в себе особый сакральный смысл. Подобное

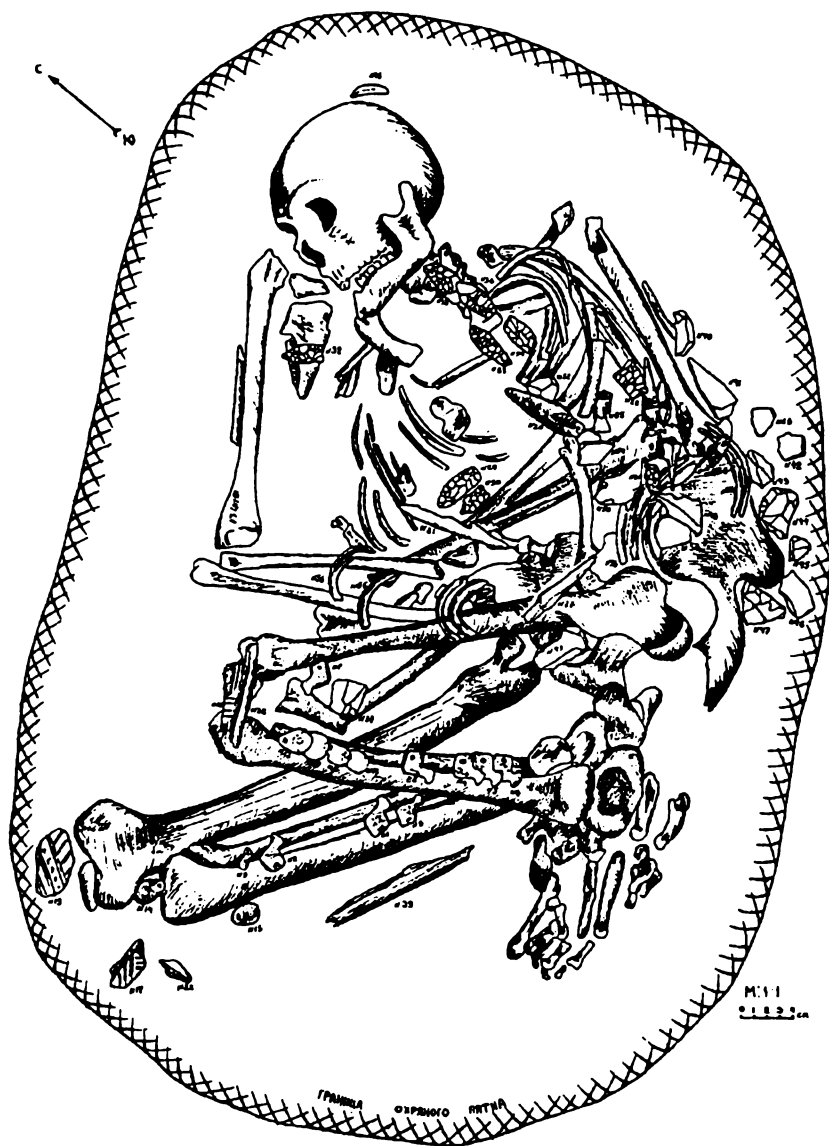


Рис.3. Погребение шамана в гроте на Камне Дождевом

значение мог иметь и пояс, расшитый резцами бобра. Весьма значимыми находками являются пришитые к рукавам и штанинам кости животных. Их расположение на костях погребенного убедительно доказывает, что кости являлись деталями костюма. Из этнографии мы знаем, что на шаманский костюм нашивали массу различных деталей, имеющих глубокое семантическое значение: подвески, кости птиц и животных, когти, клыки, резцы<sup>31</sup>. Кости и зубы животных на костюме шамана помогали ему перевоплощаться в зверя или птицу для успешного путешествия в верхний или нижний миры. В нашем случае кости северного оленя на ногах погребенного могли служить для быстрого передвижения шамана по мирам.

Следует остановиться и на некоторых деталях погребального обряда. Если костяные наконечники стрел находились, по-видимому, в колчане, то каменные были разложены по всему телу погребенного (по верхнему отделу костяка - 9 экз. и 1 экз. - в ногах). Мы знаем, что стрела в мифологии северных народов имела различное семантическое значение, поэтому определить истинное назначение данного обряда мы не в состоянии. Возможно, стрелы выступали посредником между миром живых и миром мертвых (миром предков). Возможно, стрелы на погребенном отражали их место в оппозиции: жизнь - смерть или служили оберегами, которые должны были защитить живых от вредного воздействия души погибшего шамана. Но скорее всего семантическое значение стрел в погребении шамана носило синкретический характер<sup>32</sup>. Также нельзя забывать, что до появления бубна главными орудиями шамана при проведении культовых обрядов служили лук и стрелы.

Следующая деталь погребального обряда - обломки трех склеивающихся предметов (наконечника стрелы, нуклеидного куска и отщепы) повернуты вдоль своей вертикальной оси по отношению друг к другу на 180°. Объяснений данному факту пока не найдено, тем не менее он также подчеркивает необычность данного погребения. И еще одна неприметная деталь погребального обряда: левая рука погребенного была прикрыта правой. Из этнографии нам известно, что у некоторых народов левая рука шамана считалась священной и поэтому должна была оставаться невидимой.

Безусловно, обращает на себя внимание поза погребенного. Скорченные погребения нетипичны для Среднего Урала. Из ранних погребений только два костяка на Южном Урале (Давлеканово и Дружный I) имели скорченную позу. Здесь же двум одновременно захороненным людям приданы разные позы. На наш взгляд, этот вопрос можно прояснить, если детально рассмотреть женское погребение. Одежда погребенной женщины была украшена 73 просверленными клыками выдры. Как мы уже отмечали, выдра является представителем нижнего мира. Кроме того, она являлась духом, помощником шамана. Сейчас уже можно определенно утверждать, что нижние челюсти таких животных, как выдра, бобр, куница, являлись характерной принадлежностью служителей культа (можно вспомнить погребение № 100 Оленеостровского могильника - 6 нижних челюстей бобра; погребение в Кубенино содержало наборы из нижних



челюстей выдры и куницы; женское погребение в Камне Дождевом украшено клыками из нижних челюстей 37 выдр). Этнографические материалы также свидетельствуют об использовании нижних челюстей животных в качестве шаманских подвесок, являвшихся атрибутами духов-помощников<sup>34</sup>. Погребение мужчины и женщины в гроте на Камне Дождевом можно интерпретировать как погребение шамана и его помощницы. Примеры подобных захоронений мы находим в Оленеостровском могильнике. Красочной иллюстрацией захоронения шамана и двух его помощниц является тройное погребение № 55 - 56 - 57. В центре могилы с шаманским посохом лежит шаман (погребение № 56), слева лежит его главная помощница (погребение № 57; оба погребения интенсивно окрашены охрой; на груди помощницы лежит изображение змеи - представительницы нижнего мира), а справа захоронена младшая помощница шамана (погребение № 55; оно слабо окрашено охрой и почти не содержит погребального инвентаря)<sup>35</sup>. Полную аналогию мы находим в одном из парных погребений Оленеостровского могильника (погребения № 152 - 153). В одной могильной яме лежат шаман с посохом и справа от него - женщина-помощница. Женское погребение практически безынвентарно<sup>36</sup>. Погребенные на Дождевом захоронены настолько близко друг от друга (могильные ямы не прослеживаются) и на таком ограниченном пространстве (площадь грота чуть больше 4 м<sup>2</sup>), что в принципе это захоронение можно считать парным захоронением (рис.4). В настоящий момент уже не приходится сомневаться в том, что женщины во всех перечисленных выше случаях были насильственно умерщвлены в связи со смертью мужчины. Но они были не ближайшими родственниками шамана, как считала Н.Н.Гурина, а его помощниками. Вполне вероятно, что к этому же ряду можно отнести и погребение из могильника Березки V, где под каменной вымосткой обнаружено 2 захоронения: одно безынвентарное, а второе находилось в каменном ящике и сопровождалось каменной и костяными подвесками. А.Ф.Шорин считает безынвентарное погребение впускным и с основным погребением не связанным<sup>37</sup>, но их нахождение на единой площади, ограниченной каменной вымосткой, в свете новых данных позволяет дать и иную интерпретацию: шаман и сопровождающий его помощник или помощница (пол безынвентарного погребения не указан).

Возвращаясь к позе шамана, погребенного в гроте на Камне Дождевом, можно предположить, что нехарактерность данной позы для территории Среднего Урала может объясняться особым статусом шамана ("большой" шаман; "черный" шаман; "темный" шаман). По наличию пояса, украшенного резцами бобра, данного шамана предположительно можно отнести к "темным" шаманам. Из-за страха перед душой убитого шамана его связали и, возможно, именно с этим связана скорченная поза погребенного. Также возможно, что именно из-за этого была насильственно умерщвлена и захоронена рядом с шаманом его помощница. А наконечники стрел, разложенные по телу шамана, должны были помочь его душе быстрее добраться до мира предков, а также "оборонить" их владельцев от преследований душой убитого. Этнографические



Рис.4. Погребение шамана с помощницей в гроте на Камне Дождевом

материалы также свидетельствуют о существовании шаманов “различных категорий”<sup>38</sup>, а также о различиях в способах захоронений шаманов. Так, кеты при похоронах “темного” шамана старались выкопать для него как можно более глубокую могилу<sup>39</sup> (вспомним тройное погребение № 55 - 56 - 57 Оленеостровского могильника, которое захоронено на 0,5 - 0,7 м глубже, чем обычные погребения)<sup>40</sup>.

Небезынтересен тот факт, что захоронение шамана с помощницей произведено в пещере. В мифологии пещера выступает как место зачатия, рождения и погребения. Пещера - это детородное место и могила одновременно. В образе пещеры сливаются воедино идеи жизни, смерти и воскресения. Пещера также выступает в качестве места, где находится вход в нижний мир<sup>41</sup>. В мифах некоторых народов именно с пещерой связывают происхождение первых людей<sup>42</sup>.

Когда знакомишься с ранними зауральскими погребениями, сразу бросается в глаза их небольшое количество. В работе А.Ф.Шорина их приводится около трех десятков<sup>43</sup>. Число погребений несопоставимо с количеством памятников каменного века, зафиксированных на этой же территории: их многие сотни и даже тысячи. Чем же объяснить такое несоответствие? В последние годы все больше исследователей соглашаются с точкой зрения, что основная масса погребений совершалась воздушным способом, на деревьях<sup>44</sup>. Такой способ погребения был зафиксирован и этнографически у многих сибирских и североамериканских народов<sup>45</sup>. “Возвращение” человека в дерево осуществлялось, видимо, в надежде на новое рождение. По мнению Е.А.Алексеевко, захоронения на деревьях могли восходить к культуре древнего аборигенного населения таежной зоны<sup>46</sup>.

В то же время символика шаманских погребальных обрядов представляется более сложной. Совпадая в основном с общепринятой практикой захоронения, шаманские погребения отличаются рядом важных особенностей<sup>47</sup>. У хакасов при основном способе погребения в земле существовал обычай хоронить шаманов на лабазе (помосте). Как специфически шаманский, этот способ был известен ленским якутам и кетам<sup>48</sup>. Бурятских шаманов сжигали, и прах помещали в углубление, выдолбленное в стволе растущей сосны<sup>49</sup>. Душа селькупского шамана не уходила в нижний мир, а шла к “старухе жизни”, которая вновь отправляла душу в мир людей<sup>50</sup>. У ненцев для погребения шамана обязательно приглашали другого шамана<sup>51</sup>. Иногда шамана хоронили на дереве, а после того, как кости упадут на землю, их перезахоранивали в земле. В этой связи интересно вспомнить погребения в пещерах Южного Урала. Бурановская пещера - положение отдельных костей не имеет анатомического порядка<sup>52</sup>. Старичный гребень - некоторые кости (ключица, правая лопатка, кости голени и стопы отсутствуют)<sup>53</sup>. Усть-Катавская II пещера - кости взрослого погребенного сильно разрушены, часть их отсутствует<sup>54</sup>. Грот у Каменного Кольца - кости и вещи залежали в беспорядке, череп лежал в центре могилы затылочным отверстием вверх<sup>55</sup>. Подобная ситуация известна и в других пещерных захоронениях, например, в захоронении в Нижнетыткескенской I пещере, которое авторы одно-

значно интерпретируют как шаманское. “В южной части ямы находилась правая часть грудной клетки с позвоночным столбом и правая лопатка. В северо-восточной части лежала нижняя половина человека в согнутом положении (5 поясничных позвонков, таз и ноги в согнутом положении, стопы отсутствовали). Под бедренными костями стоял на нижней челюсти и затылочной части череп человека, за затылком находилась стопа в сочленении. С северо-восточной стороны черепа лежала согнутая левая рука с остатками кисти... Вторая рука без кисти с отломанными эпифизами... найдена юго-западнее ног. Отдельно встречались обломки ребер, фаланги рук и ног. Все кости принадлежат одному человеку”<sup>56</sup>.

Нарушенность анатомического порядка костей известна и в непещерных погребениях. А.Ф.Шорин отмечает, например, что в аятском погребении отсутствует череп; в гулькинском не было костей ног; кости рук и ног отсутствовали в ахметовском погребении; в погребении на Втором Карасьем озере найдена только часть черепа<sup>57</sup>.

Всесторонний анализ ранних уральских погребений, проведенный А.Ф.Шориным, позволил ему выделить основные особенности, присущие рассматриваемым погребениям. Всего их 6, но нас интересуют лишь некоторые из них: нестандартные в топографическом отношении места захоронений (пещеры, гроты, навесы, возвышенные участки берега), ярко выраженный культ огня и нарушение анатомического расположения костей скелета. Основываясь на выделенных особенностях, А.Ф.Шорин высказывает мысль, что в одиночных захоронениях погребались только те члены первобытных коллективов, которые занимали в них особое место<sup>58</sup>. К подобным выводам, правда на основании этнографических и поздних археологических материалов, приходит и М.Ф.Косарев<sup>59</sup>. Конкретный социальный статус таких погребенных данные исследователи не определяют. Лишь М.Ф.Косарев говорит о праве быть сожженным после смерти как прерогативе выделяющейся родовой знати конца бронзового века, а также о принадлежности кремированных захоронений раннего средневековья былинным князьям или богатырям, которые могли сочетать в одном лице функции родового вождя, военачальника и шамана<sup>60</sup>.

Если допустить, что в древние эпохи обычным способом захоронения был воздушный (а археологические факты пока не противоречат данному предположению), суммировать все необычные факты и особенности, выявленные при изучении ранних уральских погребений, эти факты совместить с мифологией и этнографией северных народов, приплюсовать убедительные аналогии с других территорий, то невольно напрашивается парадоксальный, на первый взгляд, вывод: все или почти все эти погребения являются шаманскими.

Детализируя данное предположение, в первую очередь к шаманским погребениям следует отнести погребения в пещерах. О роли пещер в жизни древнего населения говорилось выше. Также проанализированы и некоторые особенности пещерных захоронений. К ним следует добавить несколько дополнений. У входа в Бурановскую пещеру на стене нанесены изображения лося и стрелы,

выполненные темно-красной охрой. В шаманской атрибутике и лось, и стрела играют определенную роль, которая уже освещалась выше. У грудной клетки погребенного в землю были забиты 3 крупных голыша<sup>61</sup>. Нечто подобное можно найти в Оленеостровском могильнике. В погребении № 50 на груди погребенного лежала сланцевая плитка длиной около 20 см<sup>62</sup>.

Вероятно, следует приравнять к пещерным погребениям погребения, помещенные в каменный ящик или перекрытые камнями или настилом. Можно допустить, что каменный ящик, каменное или деревянное перекрытие служили имитацией пещеры, являвшейся входом в нижний мир. Прежде всего это было характерно для территорий, на которых отсутствовали скальные выходы и, следовательно, пещеры. Стоянка Кокшарово I (погребение совершено в каменном ящике) расположена среди болот<sup>63</sup>. Аятское поселение (над погребенным - деревянный настил) находится в заболоченной долине<sup>64</sup>; Озеро Аргазин (на берегу которого под каменным набросом выявлено 2 погребения, причем одно из них находилось в каменном ящике<sup>65</sup>) находится на стыке Уральских гор и зоны зауральского пенеблена, где пещеры практически отсутствуют. Такая же география характерна и для Второго Карасьего озера, на береговом валу которого в каменном ящике находилось погребение<sup>66</sup>. Возможно, в этом же ряду стоит погребение № 1г Барсова городка 2, которое было перекрыто деревянными плахами<sup>67</sup>.

Таким образом, почти все ранние зауральские погребения можно интерпретировать как шаманские. И парадоксальность ситуации не должна останавливать исследователей. Ведь практически все факты указывают на необычность и неординарность данных погребений. И разносторонняя критика данных фактов логически подводит к наиболее вероятному выводу - перед нами погребения служителей культа, шаманов.

При анализе любых бескерамических комплексов неизбежно возникает вопрос об их датировке. Свою точку зрения на хронологию зауральских погребений автор уже высказывал<sup>68</sup>. Однако сейчас ее хотелось бы немного уточнить. Погребение у с.Пеган, как и прежде, следует датировать эпохой мезолита. Большие сомнения возникли у некоторых археологов (В.Д.Викторова, В.Т.Ковалева) насчет датировки неолитических погребений из грота на Камне Дождевом. Эти сомнения базируются в основном на двух категориях находок, противоречащих, по их мнению, неолитической дате погребения. Прежде всего это так называемые рыбообразные наконечники стрел, которые были широко распространены в эпоху раннего металла<sup>69</sup>. И это действительно так. Автор в своей работе отмечал данное противоречие<sup>70</sup>. Но нельзя не считаться и с другими фактами, прежде всего наличием в погребениях керамики. Предположение В.Д.Викторовой, что неолитическая керамика попала в погребения при их засыпке из нижележащего слоя, не выдерживает критики. Во-первых, неолитического слоя как такового в гроте нет. С эпохой неолита в гроте автор связывает всего 2 находки: ножевидную пластину и фрагмент керамики. Во-вторых, фрагмент керамики найден в привходовой части грота и, возможно, связан с

полуразрушенным погребением № 1. Там же были найдены фаланги пальцев рук и просверленные клыки выдры. К тому же трудно предположить, что из 9 найденных в гроте фрагментов керамики 8 попали в погребение при их засыпке (7 фрагментов в погребении № 2 и 1 - в погребении № 1)<sup>71</sup>. Тем более что фрагменты сильно окрашены охрой, а один из них лежал на колене погребенного и был перекрыт костью животного. Судя по всему, керамика являлась частью шаманского костюма и была пришита на штанины брюк погребенного. Кроме того, наличие в погребении четырех биконических наконечников стрел (3 из них со спиральным орнаментом). Биконические наконечники были широко известны в мезолитическую (на длинных черешках) и в неолитическую (на коротких черешках) эпохи. Биконические наконечники со спиральным орнаментом типичны именно для эпохи неолита. В энеолите они неизвестны. Поэтому наличие в погребении № 2 каменных наконечников стрел более поздних типов все же не может перечеркнуть его неолитическую датировку. Просто мы должны принять к сведению, что наконечники стрел рыбообразной формы появляются ранее, чем предполагалось до этого. Известен же в чистом неолитическом слое Юрьинского поселения, расположенного вокруг Кокшаровского холма, являвшегося, кстати, культовым местом, наконечник стрелы в виде рыбки, выполненный, правда, на ножевидной пластине путем частичного ретуширования<sup>72</sup>. Следует также учитывать, что ошибки при датировке наконечников стрел происходили довольно часто. Можно вспомнить, что наконечники стрел на пластинах из Оленеостровского могильника очень долго (как и весь могильник) относили к эпохе неолита. А наконечники стрел кельтеминарского типа, долгое время являвшиеся в Зауралье индикатором раннего неолита<sup>73</sup>, оказались энеолитическими<sup>74</sup>.

Вторая категория находок, по мнению оппонентов, не неолитического возраста - это костяные подвески каплевидной формы. Практически все исследователи Урала относят их к эпохе энеолита. Известны они в основном по находкам в погребениях (в Бурановской пещере, Старичном Гребне, Усть-Катавской I, Березки Vг, Аятском), но единично встречаются в поселенческих комплексах. Следует отметить, что все ранние авторы (С.Н.Бибиков<sup>75</sup>, О.Н.Бадер<sup>76</sup>, Е.М.Берс<sup>77</sup>) каплевидные подвески датировали эпохой неолита. Поздние авторы (А.Ф.Шорин<sup>78</sup>) такие подвески датируют более расплывчато: неолитом - ранней бронзой. И наконец, в настоящее время некоторые исследователи (В.Д.Викторова, В.Т.Ковалева, Н.М.Чаиркина) относят каплевидные подвески однозначно к эпохе энеолита (это показало обсуждение доклада автора на секторе археологии Института истории и археологии УрО РАН в марте 1997 г.). Подобной ситуации не стоит удивляться, поскольку датировка бескерамических комплексов (в данном случае - погребений) всегда сопровождается разными точками зрения. Я предлагаю еще один вариант датировки. Если провести сравнение подвесок между собой, то в глаза сразу бросаются различия в размерах. Например, подвески из Аятского погребения имеют диаметр до 1 см, а подвески из Бурановской пещеры - длину (по продольной оси) от 3 до 7 см. Подвески

из остальных погребений занимают как бы промежуточное положение: Усть-Катавская II пещера - от 1 x 1,4 см до 1,7 x 2,4 см; грот на Камне Дождевом - от 1,4 x 2,0 см до 2,0 x 2,8 см; Старичный Гребень - от 1,6 x 2,4 см до 2,3 x 3,4 см; Березки Уг - от 2,1 x 2,6 см до 3,1 x 3,6 см. Различаются подвески и по сырью: Бурановская пещера - 35 подвесок из офита (мягкая разновидность змеевика или серпентинита зеленого цвета); Старичный Гребень - 15 подвесок из офита; Усть-Катавская пещера II - 32 подвески из мягкого камня (?) серого цвета; Березки V г - 1 подвеска из змеевика и 18 подвесок из кости; Камень Дождевой - 6 подвесок из кости; Аятское погребение - 52 подвески из "пластинчатой яшмы" (по Е.М.Берс; на самом деле из мягкого темно-красного шифера) и 16 подвесок из кости. Если сырье подвесок соотнести с их размерами, то окажется, что самые маленькие размеры (1 - 1,65 см длины) имеют подвески, изготовленные из темно-красного шифера, т.е. подвески с Аятского погребения. Прошло уже свыше 20 лет (с 1976 г.) после публикации материалов Аятского погребения, и те материалы (в том числе и керамика), которыми оперировала Е.М.Берс при датировке погребения, в настоящее время относят уже не к неолиту, а к энеолиту. И погребение с Аятского озера также относится к энеолитическому времени. Недавно обнаруженный автором на Шайтанском озере культовый комплекс вместе с энеолитической керамикой содержал и 8 подвесок из темно-красного шифера, причем 2 из них имели точно такие же зубчики по краю, как и аятские. Следует отметить, что автору известны энеолитические подвески такой же формы и таких же размеров, но выполненные из талька, кости и галечек темно-красной породы, более твердой, чем шифер. Таким образом, с эпохой энеолита следует связывать прежде всего подвески каплевидной, овальной и круглой форм небольших размеров (1 - 1,5 см длины), изготовленные из разных материалов, но прежде всего - из темно-красного шифера. Более крупные подвески из камня (прежде всего змеевика) и кости следует датировать, видимо, более ранним временем. Так, подвески из кости, сланца и агальмолита (свыше 60 экз.) каплевидной и овальной форм широко известны в комплексах мезолитической стоянки Усть-Белая (их длина от 2,7 до 3,3 см)<sup>79</sup>. Костяные подвески (7 экз.) каплевидной формы (длина 2,5 - 2,8 см) найдены в неолитическом погребении у г.Ордынска<sup>80</sup>. Можно привести множество других примеров<sup>81</sup>.

В пользу энеолитического возраста погребения № 2 в гроте на Камне Дождевом, по мнению оппонентов автора статья, свидетельствует также и такой факт: подквадратная форма подвесок в виде утолщений на керамической посуде. На мой взгляд, сравнивать форму скульптурных изображений и изображений, выглаженных штампом на посуде, не совсем корректно. Но если все же сравнивать, то почему бы не сравнить с энеолитическими фигурками утолщений, выполненных из кремня? Они с тех пор широко известны уже не на одном памятнике (Юрьино IV<sup>82</sup>, Юрьино VII, Шайтанское озеро I, Аятское озеро<sup>83</sup>). Все кремневые утолщения имеют плавные очертания и ничуть не напоминают изображения утолщений на керамической посуде. А ведь и те, и другие - энеолитические. Также к

энеолиту относятся и уточки с Кара-Якуповского могильника. Они выполнены из сланца и тоже с плавными очертаниями<sup>84</sup>.

Не противоречат датировке погребений эпохой неолита и чисто археологические данные. Например, в отложениях Старичного Гребня полностью отсутствуют находки керамики. Кремневый же инвентарь представлен маловыразительными отщепами и пластинами, которые трудно поддаются датировке. Вместе с ними в слое обнаружены крупный (до 6 см длиной) лавролистный наконечник и 2 каменные подвески (одна из них была покрыта толстым слоем охры). Погребение человека находилось под культурным слоем в самой нижней его части<sup>85</sup>. По всем археологическим понятиям его можно датировать не только эпохой неолита, но даже - мезолита. Погребение в Бурановской пещере перекрывалось слоем, содержащим керамику раннего железа и, видимо, поздней бронзы. В основании слоя найдена 21 микропластинка мезолитического облика. Погребение, по С.Н.Бибикову, находилось ниже уровня горизонта с наибольшим количеством находок в слое, находок уже не содержащим<sup>86</sup>. То есть и в этом случае его можно датировать эпохой мезолита. Раннему возрасту погребения не противоречит и роспись на стене пещеры. Учитывая редкость нанесения рисунков на стены пещер, а также архаизм Бурановской писаницы, С.Н.Бибиков допускает, что "нахождение писаницы в пещере воскрешает наиболее древнюю (т.е. палеолитическую. - Ю.С.) традицию наскальной пещерной росписи"<sup>87</sup>. Это было написано в 1950 г., когда ни Капова, ни Игнатьевская пещеры еще не были известны.

Таким образом, погребения из Бурановской пещеры и Старичного Гребня можно считать наиболее ранними, возможно, мезолитическими. Несколько более поздними, но в рамках неолита, следует датировать погребения в Усть-Катавской II пещере, гроте у Каменного Кольца, гроте на Камне Дождевом и оградке 23 могильника Березки Vг. Погребения на поселениях Аятское и Кокшаровское датируются эпохой энеолита, причем датировка эта выглядит наиболее доказуемой.

На настоящий момент данная статья представляет собой рабочую схему. Проблему шаманских погребений (в том числе и их датировки) предстоит изучить более углубленно и более крупными силами, но тема является очень перспективной. И автор ничуть не удивится, если в результате новых исследований выяснится, что Оленеостровский могильник (и некоторые другие тоже) является шаманским кладбищем. Ведь шаманские кладбища в виде "шаманских роц" известны у многих народов Сибири<sup>88</sup>. Присутствие женских погребений на таких кладбищах не должно смущать исследователей, так как известно, что у некоторых народов существуют мифы, согласно которым первой шаманкой была женщина<sup>89</sup>. Что касается присутствия детских погребений, то этот вопрос более сложен. Но разве кто-нибудь из исследователей смог дать более или менее приемлемую интерпретацию двух детских захоронений на Сунгире?..



Закончить данную работу хотелось бы словами А.М.Сагалаева: “Любые “окончательные решения” в области мифологии - лишь комплимент автору самому себе”<sup>20</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С.149 - 176; *Хлобыстина М.Д.* Древнейшие коллективные погребения Днепровского Надпорожья (Вопросы социологической интерпретации)// Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С.64 - 68; *Хлобыстина М.Д.* Некоторые вопросы палеосоциологической интерпретации Оленеостровского могильника// СА. 1978. С.47 - 57; *Массон В.М.* Исторические реконструкции в археологии. Самара, 1996. С.87 - 89.

<sup>2</sup> См.: *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ.

<sup>3</sup> См.: *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник// МИА. Вып. 47. 1956. С.336, 340. Рис. 50,50а.

<sup>4</sup> См.: Там же. С.312.

<sup>5</sup> См.: Там же. С.357.

<sup>6</sup> См.: Там же. С.362.

<sup>7</sup> См.: Там же. С.302. Рис.27.

<sup>8</sup> См.: Там же, С.378. Рис.76.

<sup>9</sup> См.: Там же. С.204 - 205.

<sup>10</sup> См.: Там же. С.278. Рис.12.

<sup>11</sup> См.: Там же. С.306, 308.

<sup>12</sup> См.: Там же. С.276.

<sup>13</sup> См.: Там же. С.220 - 221.

<sup>14</sup> См.: *Загорска И., Загорскис Ф.* Мезолит Латвии// КСИА. 1979. Вып. 149. С.73. Рис 2-25.

<sup>15</sup> См.: *Казаков Е.П.* Неолитическое погребение в восточных районах Татарии//СА. 1978. № 2. С.165 - 177.

<sup>16</sup> См.: *Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф.* Археология Нижнетыткескенской пещеры I. Барнаул, 1995. С.48. Рис. 23-1.

<sup>17</sup> См.: *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник. С.306, 308. Рис.62-2.

<sup>18</sup> См.: *Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф.* Археология Нижнетыткескенской пещеры I. С.48 - 49.

<sup>19</sup> См.: *Эдинг Д.Н.* Резная скульптура Урала. М., 1940. Рис.42 - 44.

<sup>20</sup> См.: Там же. Рис.56 - 58.

<sup>21</sup> См.: *Рассадович А.И., Сериков Ю.Б., Старков В.Ф.* Древнейшая скульптура лесного Зауралья//СА. 1976. № 4. Рис.1-8.

<sup>22</sup> См.: Там же. С.189.

<sup>23</sup> См.: *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник. С.8.

<sup>24</sup> См.: *Урбан Ю.Н.* Поселение и могильник Иловец// КСИА. 1973. Вып. 137. С.110, 113. Рис.5-1,2,3.

<sup>25</sup> См.: *Окладников А.П.* Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1978. С.9 - 11, 219.

<sup>26</sup> См.: *Окладников А.П.* Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск. 1976. С.181.

<sup>27</sup> См.: *Дульзон А.П.* Томский неолитический могильник// Учен. зап. Том. пед. ин-та Томск, 1957. Т.17. С.302 - 304.

<sup>28</sup> См.: *Бородкин Ю.М.* Материалы неолитического погребения у с. Васьково// Изв. лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1967. Вып. 1. С.101 - 107.

<sup>29</sup> См.: *Сериков Ю.Б.* Исследование грота на Камне Дождевом (р.Чусовая)// Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. Вып.21.

<sup>30</sup> См.: Там же. С.127 - 137.

<sup>31</sup> См.: *Алексеев Е.А.* Кеты. Л., 1967. С.190.

<sup>32</sup> См.: *Семенов В.А.* Кремневые наконечники стрел из полярных святилищ Урала: Семантический аспект// Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Материалы к конференции. Ч. 2: Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993. С.66.

<sup>33</sup> См.: *Потапов Л.П.* Лук и стрела в шаманстве у алтайцев// СЭ. 1934. №3. С.70 - 71.

<sup>34</sup> См.: *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник. С.237 - 238.

<sup>35</sup> См.: Там же. Рис. 27.

<sup>36</sup> См.: Там же. Рис. 76.

<sup>37</sup> См.: *Шорин А.Ф.* Доандроновское погребение могильника Березки Vг в горно-лесном Зауралье// Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С.68 - 70.

<sup>38</sup> См.: *Михайлов Т.М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск, 1980. С.265 - 268.

<sup>39</sup> См.: *Алексеев Е.А.* Кеты. С.188, 201.

<sup>40</sup> См.: *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник. С.302.

<sup>41</sup> См.: Мифы народов мира. М., 1994. Т.2. С.311 - 312.

<sup>42</sup> См.: *Кызласов И.Л.* Ранние формы осознанного воздействия человека на природные силы// Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988. С.145.

<sup>43</sup> См.: *Шорин А.Ф.* Доандроновское погребение... С.74 - 75.

<sup>44</sup> См.: *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1984. С.204 - 205.

<sup>45</sup> См.: *Алексеев Е.А.* Кеты. С.207; *Чернецов В.Н.* Представление о душе у обских угров// Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С.145; *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология. Новосибирск, 1991. С.122.

<sup>46</sup> См.: *Алексеев Е.А.* Кеты. С.209.

<sup>47</sup> См.: *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология. С.124.

<sup>48</sup> См.: *Алексеев Е.А.* Кеты. С.208 - 209.

<sup>49</sup> См.: *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология. С.124.

<sup>50</sup> См.: Там же. С.126.

<sup>51</sup> См.: *Хамич А.В.* Ненцы. М.;Л., 1966. С.221.

<sup>52</sup> См.: *Бибииков С.Н.* Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала// СА. 1950. Т.13. С.99.

<sup>53</sup> См.: Там же. С.109 - 110.

<sup>54</sup> См.: Там же. С.113 - 116.

<sup>55</sup> См.: *Бадер О.Н.* Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги// Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С.106.

<sup>56</sup> *Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф.* Археология Нижнетыткескенской пещеры I. С.27-28. Рис.15.

<sup>57</sup> См.: *Шорин А.Ф.* Доандроновское погребение... С.76.

<sup>58</sup> См.: Там же. С.74 - 77.

<sup>59</sup> См.: *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. С.218, 222 - 223.

<sup>60</sup> См.: Там же. С.223.

<sup>61</sup> См.: *Бибииков С.Н.* Неолитические и энеолитические остатки. С.99 - 105.

<sup>62</sup> См.: *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник. С.295. Рис.25.

<sup>63</sup> См.: *Старков В.Ф.* Кокшарово I - многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье// СА. 1970. № 1. С.105 - 106.

<sup>64</sup> См.: *Берс Е.М.* Поздненеолитическое погребение на р. Ая в Среднем Зауралье// СА 1976. № 4. С.197.

<sup>65</sup> См.: *Шорин А.Ф.* Доандроновское погребение... С.68 - 70.

<sup>66</sup> См.: Там же. С.74 - 75.

<sup>67</sup> См.: *Челякин Ю.П.* Новый могильник в Сургутском Приобье// СА. 1980. № 3.

<sup>68</sup> См.: *Сериков Ю.Б.* Исследование грота... С.142.

<sup>69</sup> См.: Там же. Рис.7 - 6-8.

<sup>70</sup> См.: Там же. С.137.

<sup>71</sup> См.: Там же. С.136 - 137.

<sup>72</sup> См.: *Старков В.Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. Табл. XVII-17.

<sup>73</sup> См.: *Матюшин Г.Н.* О наконечниках кельтеминарского типа на Урале// Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С.143 - 151.

<sup>74</sup> См.: *Ковалева В.Т.* Энеолитическое поселение на Андреевском озере// ВАУ. Свердловск, 1977. Вып. 14. С.95.

<sup>75</sup> См.: *Бибиков С.Н.* Неолитические и энеолитические остатки ... С.136.

<sup>76</sup> См.: *Бадер О.Н.* Неолитическое погребение ... С.108.

<sup>77</sup> См.: *Берс Е.М.* Поздненеолитическое погребение ... С.199.

<sup>78</sup> См.: *Шорин А.Ф.* Доандроновское погребение ... С.72.

<sup>79</sup> См.: *Кольцов Л.В., Медведев Г.И.* Мезолит юга Сибири и Дальнего Востока// Мезолит СССР. М., 1989. С.177, 179. Табл. 104-3, 4, 9, 11; 105-7.

<sup>80</sup> См.: *Молодин В.И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. С.27 - 28. Табл. XIX-6-14.

<sup>81</sup> См.: Неолит Северной Евразии. М., 1995. Рис.57-2; 68-9-11; 69-3-6; 73-30.

<sup>82</sup> См.: *Сериков Ю.Б.* О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV (Зауралье)// СА. 1978. № 4. Рис.1-4.

<sup>83</sup> См.: *Сериков Ю.Б., Литвиненко Ю.П.* Новые находки произведений искусства на территории Среднего Зауралья// Формы духовного и практического освоения мира. Екатеринбург, 1998. Рис. 2-2, 3, 7, 8.

<sup>84</sup> См.: *Морозов Ю.А.* Кара-Якуповская энеолитическая стоянка// Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984. Рис.8.

<sup>85</sup> См.: *Бибиков С.Н.* Неолитические и энеолитические остатки ... С.18, 109, 111.

<sup>86</sup> См.: Там же. С.98 - 99, 103.

<sup>87</sup> Там же. С.105.

<sup>88</sup> См.: *Михайлов Т.М.* Из истории бурятского шаманизма. С.181.

<sup>89</sup> См.: Там же. С.89-90.

<sup>90</sup> См.: *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология. С.106 - 107.